

РУССКОЕ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

COMPOSITION IN RUSSIAN FROM THE HISTORICAL POINT OF VIEW

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВ, НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. Compound words are known in the Russian language since the first written texts of different genre and stylistic characteristics. The formation of composites was carried out in two productive ways: by the non-morphological semantic method of fusion and by morphological addition. Within both methods (in literary texts) the calques of Greek composites and the development of East Slavic word formations in their sample are also noted. Both methods were interrelated, and an interaction of derivatives occurred in their sphere.

Keywords: the Old Russian language, word formation, composites, fusion, compound words

Геннадий Николаев, Казанский федеральный университет, Казань – Россия, gnikolaevksu@mail.ru

Наталья Николаева, Казанский государственный медицинский университет, Казань – Россия, eulen@mail.ru

При изучении сложных слов в русском языке необходимо четко разграничивать морфемный и словообразовательный анализы композитов. К сложным словам, составляющим объект морфемного анализа, относятся (независимо от способа образования) все слова, имеющие в своей структуре две или более корневых морфем. Например: *желез-н-о-дорож-н-ый*, *желез-н-о-дорож-н-ик-ø* и др.). К сложным словам, составляющим объект словообразовательного анализа, относятся только те, которые возникли на базе словосочетаний и мотивируются конкретным словосочетанием. В этом смысле сложным будет слово *железн-о-дорож-н(ый)*, производное на базе словосочетания *железная дорога*, в то время как слово *железнодорожн-ик* является простым аффиксальным образованием, так как произведено оно на основе слова *железнодорожный* при помощи суффикса *-ик*¹. нас будет интересовать исключительно словосложение в деривационном аспекте.

¹ Мы напомним о необходимости разграничения двух типов анализа композитов, поскольку они иногда смешиваются, особенно в практике преподавания языка в школе.

Сложные слова встречаются уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности, причем как книжного, так и делового характера: в *Слове о законе и благодати* Илариона (*бѣсслиганіе, единодержецъ, пакыпорождене, правовѣріе, равнооумие* и др.), в *Остромировом Евангелии* (*благоволение, водоносъ, единочлѣдъ, полунощи, любодѣица*) и т. п., с одной стороны; в *Уставе князя Владимира* (*члѣродѣаніе, четвероножина, страннопріимници, благодать, багрянородный, благословеніе, многоцвѣтный* и др.), в *Русской Правде Ярослава* (*братучадо, рукоять, полувирые* и др.), в новгородских берестяных грамотах (*воевода, рикописание, челобитье, Новъгородъ* и т. д.), в *Лаврентьевском списке* (1377 г.) *Повести временных лет* (*добродѣтель, златозарный, иноплеменьникъ, кровопролитъе, лѣтописецъ, мимоити, многовещныи, подобносвершенъ, самовидецъ* и т. п.), с другой стороны. Значительную часть сложений в оригинальных древнерусских памятниках составляют имена собственные: а) личные — *Святославъ, Володимѣръ, Мъстиславъ, Святопѣлкъ, Жизнобудъ, Добромысль, Нѣгожиръ* и др., б) топонимические — *Новъгородъ, Вышегородъ, Бѣлоозеро, Пустопержа* и др.

Особенно показательны личные имена-компози́ты в новгородских берестяных грамотах, отражающие народные истоки словосложения: *Братонѣжко, Нѣжебудъ, Дорогобудъ, Жизнобудъ, Домажиръ, Держимиръ, Домагость, Милогость, Добровитъ* и т. п. Что касается сложных слов в книжных текстах, то они связаны с греческими компози́тами и чаще представляют собой калькированные слова или созданные по их образцу восточнославянские образования. Не будем затрагивать семантическую сторону сложных антропонимов и топонимов, хотя и здесь есть интересные явления: например, имя дохристианского князя Святослава Игоревича, заставляющее внимательнее отнестись к семантике первой корневой морфемы слова (*Свят-*). Но в плане структурном эти имена представляют много интересного, объединяющего их с нарицательными именами.

Все сложные имена в древнерусском языке по способу их образования разделяются на две группы: одни из них образованы безморфемным семантическим способом (в его лексико-синтаксическом варианте), т. е. путем сращения двух самостоятельных слов в одно. Например: *Новъгородъ, Бѣльгородъ, Бѣлоозеро, Царьгородъ, Царьградъ, воевода, благодѣяние, зѣлодѣиство, высокоходити, мимотечи, малогрѣшныи, мѣногострадалныи, пакырождене* и т. п. Другие компози́ты возникли морфемным (морфологическим) способом. Они образовывались путем сложения на базе словосочетания при помощи форманта, включающего соединительный аффикс (интерфикс) и суффикс. Например: *рукописание, рукоять, водомолецъ, водоносъ, лѣтопи-*

сець и т. п. Каждый из этих способов был представлен несколькими моделями².

Для историка языка важно то, как формировались эти способы и как они связаны (и связаны ли) между собой. Если рассмотреть эти вопросы с позиций словообразовательной палеонтологии, то следует признать, что сращение появилось значительно раньше сложения [Николаев 2009: 153–156]. Исходя из того, что основной единицей древнего текста была синтагма с теснейшей связью ее составляющих, эти составляющие с течением времени могли объединяться в лексическое целое. Это происходило не сразу, не в результате единичного акта словопроизводства, а постепенно. Об этом говорят случаи склонения (если речь идет об имени) обеих частей сращения. Приведем несколько фрагментов из *Лаврентьевской летописи 1377 г.* (ПСРЛ, т. I): *Володимиръ заложи градъ Бѣлгородъ* (122); *около Бѣлагорода* (127); *1189 г. Кнѣзь великый Всеволодъ ѿда дщерь свою Верхуславу Бѣлугороду за Рюриковича Ростислава* (407); *1206 г. Мъстиславъ Романовичъ сѣде в Бѣлгородѣ* (427) и т. п. О цельноформленной лексической единице в подобных случаях, казалось бы, можно говорить тогда, когда первая составная часть композита переставала склоняться. Но в древних текстах существовали варианты написания. Кроме того, производные слова типа *новгородъци*, *новгородъскыи* образовывались не от словосочетания *новъ городъ*, а от названия города, цельной лексической единицы — *Новгородъ*. И в современном русском языке в сфере числительных имеем сложные числообозначения, у которых при склонении изменяются обе составные части (типа *пятьюдесятью*). Это, однако, не дает нам повода сомневаться в лексической целостности этих слов.

Более раннее появление феномена сращения связано и обусловлено характером отношений между языковыми единицами в древний период. Историками языка было доказано, что в языке древнерусского периода преобладала синтагматика [Колесов 2005: 637], в связи с чем именно сращение как тип словообразовательного процесса соответствовал синтагматическому восприятию языковых изменений, и базой для сращения служили реальные синтагмы живой речи, а не сочетания слов в исходных формах, как это происходило при словосложении, опирающемся на парадигматические отношения. Ср., например, *братучадо* (сращение) и *браточадо* (сложение) и т. п. Морфологическое сложение происходило уже на основе языковой парадигматики.

² Способ сращения в истории русского словообразования был рассмотрен в статье Г. А. Николаева [Николаев 2015: 140–145]. В нашей статье будем опираться на полученные в указанной работе результаты.

Подтверждением сказанному могут служить следующие случаи сращения (примеры и сокращения названий памятников извлечены из *Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)*): *братоубица* (КР 1284, 46б), *домачадыць* (КР 1284, 326а, ГА XIII–XIV, 95б), *землихранитель* (ГА XIII–XIV, 214б), *зълупоминати* (ПНЧ XIV, 190г), *зълупомьнити* (ПНЧ 1296, 40об), *зъласлышаник* (Изб.1076, 8об), *зъластраданьк* (ГБ XIV, 185), *зълупамать* (Изб.1076, 188об–189), *зълупаматьникъ* ‘злопамятный человек’ (ПрЛ XIII, 143г), *зълупомьнѣникъ* ‘злопамятство’ (Изб.1076, 209об), *зълурадыви* (Пр XIV, 163а), *зълурадыи* (ПрЛ XIII, 133б), *кръвипролитикъ* (ЛЛ 1377, 101об), *лъжиобличитель* ‘обличитель лжи’ /sic!/ (КТур XII сп., 49), *лъжипослоухъ* (КВ к. XIV, 309а), *лъжипослоушьство* (СбТр XII–XIII, 157об), *лъжипророкъ* (ПНЧ XIV, 119а), *мироуродьнии* ‘умиротворенный’ (ГБ XIV, 55б), *путьишьствованик* (МПр xiv, 278об) и др. Ср. также позднее *челомбитъ*³.

Рассмотренные здесь сращения дошли до нашего времени в ограниченном числе примеров, но оформленными по моделям морфологического словосложения: *домочадец*, *кровопролитие*, *лжепророк*, *путешествие*, *челобитье*. В этом можно видеть результат взаимодействия способов сращения и сложения. Такая интерпретация подтверждается наличием в языке параллельных форм сложения, с которыми и взаимодействовали приведенные формы сращения: *браточадо* (РПр Сп. 1280, 615а), *домочадыць* (ГА, 97 — Срзн.), *зълупаматьникъ* (ПрЮр XIV, 269б–в), *зълупомнѣникъ* (ПНЧ 1296, 91об), *зълостраданик* (КН 1280, 60бв), *кръвипролитикъ* (ЛН XIII–XIV, 107), *лъжипослоухъ* (КЕ XII, 8а), *лъжипослоушьство* (ПНЧ XIV, 42г), *лъжепророкъ* (КР 1284 / 374б) и др. (см. показания словарей).

Особенно в этом плане показательны случаи параллельных форм композитов в языке одного памятника. Например: *домустроитель* — *домостроитель*: *И похвали господь домустроителя неправеднаго, яко мудръ сътвори* (ВМЧ. Окт.4–18, 1359. XVI в.) — [...] *всяко дание и взятие или къ другомъ, или къ врагомъ, или къ рабомъ, или къ приставникомъ и домостроителемъ бываетъ* (ВМЧ. Сент. 14–24, 967. XVI в.); *законудавьць* — *законодавьць*: *Сам же творецъ твари законудавецъ приде wobновить твари и сп(с)ти члвка* (КТур XII сп. XIV, 43) — *ты, Г(с)и, самъ жси, w нем же учиша законодавци, кгда придетъ Меси упразднить законъ, и подасть блг(д)ть* (КТур XII сп. XIV, 48); *лъжипророкъ* — *лъжепророкъ*: *„ко мнози лъжипр(о)р(о)ци изидоша въ миръ* (ПНЧ XIV, 126г) — *гл(аго)лми w(m) себе лжепрр(о)р(о)къ жсть* (ПНЧ XIV, 10г) и т. п. Такие случаи встречаются в древнерусских текстах часто.

Словосложение появилось в языке в связи с развитием морфемного словообразования. Не исключено, что словосложение развивалось на

³ Приведенные здесь примеры используются также в статье [Николаев 2015: 142].

основе сращения. Принять или отвергнуть это предположение нам поможет решение вопроса о происхождении соединительных гласных при сложении. В древнерусском языке в качестве соединительных гласных выступали гласные *o* (*инорогъ*), *e* (*мореходецъ*), *ь* (*братъсестра*), *ь* (*ночлѣгъ*), *и* (*Мьстиславѣ*), *у* (*медвѣдь*, где *в* из *й*). Последний пример открывает возможность предположить, какого происхождения эти соединительные элементы. Ряд авторитетных ученых, начиная с первых немецких компаративистов, полагали, что гласные вставки — это тематические показатели древних именных основ. Действительно, в слове *медвѣдь* первая корневая морфема относится к древним *й*-основам, и этот детерминатив замыкал данный корень; в положении перед гласным он перешел в *в* [Селищев 1952, II: 84]. По этой теории, в словах типа *Мьстислав*, *Ратиборъ* и т. п. первая часть композита относилась к *й*-основам. Однако большинство композитов имело в качестве первой части корневые элементы слов *o/jo*-основ. Их было так много по сравнению с другими случаями, что *o* и *e* стали основной формой соединительных гласных. Эта теория объясняет происхождение соединительных гласных, хотя она и имеет некоторые недоработанные положения. Но мы на них не будем останавливаться. Кроме одного положения: что делать с гласными *ь* и *ь*, восходящими соответственно к праславянским *й* и *й*?

Казанский историк языка А. А. Царев предположил, что первично происходило сращение по типу *Богъотец* (Сим. лет., 28), *грѣхъпадение* (Кир. Тур. 108), *инърогъ* (Востг., 158), *простълюдинъ* (МЛС, 241), *путьшьствие* (Тв. лет., 454) и т. п. В дальнейшем после падения глухих эти редуцированные гласные перешли в гласные полного образования *o* и *e* [Царев 1970: 71–80]. Все бы хорошо, но эти редуцированные, за редким исключением, находились в слабой позиции. К объяснениям чисто фонетического характера А. А. Царева следует добавить морфологические объяснения. Слабые редуцированные гласные переходили в гласные полного образования, если они выполняли определенные морфологические функции. В качестве примера можно сослаться на слабые редуцированные в суффиксе *-ьну-* (*-ону-*, *-ану-*) [Марков 2001: 83]. В нашем случае не может быть никаких сомнений в том, что слабые редуцированные были наделены определенной структурной функцией. Таким образом, сращение и сложение как разные способы образования композитов были связаны друг с другом с самых ранних периодов истории русского языка.

Чтобы выяснить, в каком направлении шло развитие системы композитообразования, нужно обратиться к современной системе словосложения и результатам, полученным в этом процессе. В современном языке система сложных слов представлена большим количеством словообразовательных типов. С нашей точки зрения, изложенной в учебни-

ке по словообразованию Г. А. Николаева, к сложным словам, возникшим в результате сращения, нужно отнести и образования типа *альбом-выставка*, *кресло-качалка*, *ракета-носитель* и т. п., различного рода аббревиатуры, случаи контаминационного словообразования (типа *магнитола*, *газомобиль*, *демократура* и т. п.) [Николаев 2009а: 123–124]. Почти все эти способы словообразования возникли в современном языке. И только один способ можно обнаружить и в истории языка. Это образования типа *ковер-самолет*. Историей данного феномена никто не занимался, поэтому языковые факты не собраны. Ясно одно, что таким устойчивым образованием было, по крайней мере, *горе-злочастие* (XVII век).

Определенные трудности здесь представляет орфографический момент: такого типа лексемы стояли рядом, но не отделялись (или, наоборот, не обдинялись) дефисом. Но то, что подобные соединения были в истории русского языка, говорят такие тавтологические сочетания, как *путь-дорога* (или *дороженька*), *окиян-море*, *царь-государь*, *хлеб-соль*, *осетр-рыба*, *житьё-бытьё*, *ковыль-трава*, *меч-самосек*, *злато-серебро* и т. п. Тавтологические сочетания были и в других частях речи: *знаю-ведаю*, *ходить-гулять*, *встать-обудиться*, *кричать-реветь*, *трудна-больна*, *всего-навсего* и многие другие. Такие сочетания, нередко встречающиеся в произведениях фольклора, являются следствием синтагменного строения древнего текста и семантического синкретизма, вызывавшего использование тавтологических средств при создании синтагмы. Ситуация в языке сложилась такова, что было бы неестественным, если не возникали бы сложения указанного типа.

Таковы особенности древнерусского словосложения в аспекте способов композитообразования, которые проходили мимо внимания исследователей. Последние сосредоточивались на рассмотрении разных моделей словосложения в истории русского языка и далеко продвинулись в этом вопросе, поэтому мы его не затрагивали в настоящей статье.

Библиография

- К о л е с о в В. В. 2005. *История русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*, Санкт-Петербург: Изд-во „Филологический факультет СПбГУ; АКАДЕМИЯ“.
- М а р к о в В. М. 2001. *Проблема формирования самостоятельных морфем на основе противопоставления фонетических вариантов*, [в:] *Его же, Избранные работы по русскому языку*, Казань: ДАС, с. 72–84.
- Н и к о л а е в Г. А. 2009а. *Лекции по русскому словообразованию: учебное пособие*, Казань: Изд-во Казанского университета.

- Н и к о л а е в Г. А. 2009б. Палеонтология словообразования, [в:] *IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сентября 2009 г.): труды и материалы: в 2 т.* Ред. К. Р. Галиуллин, Г. А. Николаев, т. 2, Казань: Изд-во Казанского университета, с. 153–156.
- Н и к о л а е в Г. А. 2015. Способ сращения в истории русского словообразования, [в:] *Осьмьдесятъ: сборник научных статей к 80-летию И. С. Улуканова.* Отв. ред. М. А. Мильгина, Москва: „Азбуковник“, с. 140–145.
- С е л и щ е в А. М. 1952. *Старославянский язык, ч. 2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии,* Москва: Учпедгиз.
- Ц а р е в А. А. 1979. *К генезису славянского соединительного гласного О / Е,* „Ученые записки Казанского государственного педагогического института“, Казань, вып. 77, с. 71–79.

